

Андрей Пермяков

Петушки, Владимирская область

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

АНДРЕЙ ПЕРМЯКОВ: В ГЛУБИННЫХ СЛОЯХ ВСЕ МНОГО ОСМЫСЛЕННЕЕ

Обсуждение локальной географии, особенностей локального текста, творчества критика, поэта, прозаика Андрея Пермякова.

Локальный текст, Андрей Пермяков, Вологда.

Л. Е. После прочтения Вашей статьи к 5-летнему юбилею «Тома писателей» («Вестник ВоГУ», № 2, 2020) я обратила внимание на сборник научных статей «Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре»¹ [3]. Хотелось бы обсудить с Вами идеи хотя бы трех статей из этого сборника. Мне представляется, Вы заинтересованы «гуманитарной географией». Имею в виду не только теоретический аспект, но и практический. Ваши путешествия автостопом и последующие книги соотносятся с «топофилией»?

А. П. Ой, конечно! И автостоп, и другие методы передвижения интересны, прежде всего, в плане топофилии: локальной географии и такой же локальной истории. И антропологии, конечно. Банальность же: мир меняется даже на очень небольших расстояниях. К примеру, маленький водораздел между Череповцом, где Шексна относится к бассейну Волги, и Вологдой, текущей в Сухону, определяет замечательную разницу: едешь из одного города в другой часа полтора, а погода там совсем разная.

Или вот про нашу Владимирскую область. Переезжаешь из одного района в другой, расстояние – километров сорок, может. А у людей уже совсем другой говор. Да и вообще все разное очень.

Но важный факт: как в жизни – знакомишься со многими людьми, а влюбляешься в немногих, так и с городами. Я впервые оказался в Вологде в 2009-м году. И получилось так, что единственным местным знакомцем был Павел Тимофеев, поэт. В телефоне у меня он был отмечен как «Паша». Вернее, это я так думал. Ибо записан был номер совсем другого Павла

– моего одноклассника из Кунгура Пермского края. И вот хожу по незнакомому совсем городу, хлопаю глазами – телефон не отвечает. Понимаю, что надо уезжать туда, где точно есть приятели. А нет: я уже очень-очень полнобил этот город! Потом нашлись, конечно, грибов нажарили. Все получилось хорошо.

Л. Е. Я помню Ваше стихотворение, Павлу посвященное. С другими, правда, обстоятельствами: *Поросенка готовили с правильным маринадом. / Осталось весьма хорошо апельсиновых корок. / И от самого поросенка остались надежные кости. / Ежик пришел к медвежонку в гости / – Ежику сорок два и медвежонку сорок. / Сидят, запивают домашнее домашним же лимонадом...*

Итак, то был первый приезд в Вологду. Потом еще пять-шесть? И много ли у Вас любимых городов?

А. П. В Вологде я бывал раз двадцать, это как минимум. Только в 2011-м приезжал восемь раз. И день рождения в том году отмечал тоже в Вологде. Любимых городов много, но настолько любимых, как Вологда, – очень мало. Причем два из них тоже расположены в Вологодской области: это Великий Устюг и Тотма. А так, если составить условную десятку, то в нее точно войдут Саратов, Нижний Новгород, Гороховец, а вот дальше есть разные варианты.

Л. Е. В «Томе писателей» Ната Сучкова хотела дать именно повесть «Темная сторона света» [12]? Не поэзию? В 2013 году уже вышла книга стихов «Сплошная облачность». В 2014 Вы стали лауреатом Григорьевской премии.

«Темная сторона» обозначена как вторая часть «Бесконечной книги». Вышла ли первая?

А. П. Да, Ната попросила именно «Темную сторону». Она сказала, что текст «очень вологодский». Я предлагал другую книгу – «Десятая часть года» [9]. Она вышла в журнале «Волга» в начале 2010-го года. И, собственно, благодаря редакции этого журнала и состоялась. Я тогда работал на вредном производстве, у меня был длинный отпуск. И вот я тридцать семь дней подряд катался автостопом, периодически выкладывая в Живой Журнал фотокарточки и краткие зарисовки из поездки. Редакторы «Волги» – Анна Сафронова и Алексей Александров – предложили оформить все это в виде связного текста. То есть пер-

¹ Книга подготовлена по итогам VIII Международной научной конференции, проходившей в конце ноября 2018 года в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете. Конференция и книга – приношение научного сообщества к 70-летию Аркадия Хаимовича Гольденберга, доктора филологических наук, профессора этого университета. Именно он, уроженец Сталинграда/Волгограда, ввел понятие «царицынский текст». Его первая научная статья вошла в сборник «Литературное краеведение» (1975). Гольденберг делает очень многое для возвращения читателям незаслуженно забытых донских писателей. Кандидатская и докторская диссертации посвящены Н.В. Гоголю. Вместе с учениками он исследует фольклор в его живом бытовании, постфольклор в русской постмодернистской литературе.

вая часть «Бесконечной книги» была написана, по сути, в дороге. Но Ната выбрала другую книжку. «Десятая часть года» все-таки почти бессюжетная.

Андрей Пермяков. Плёс. 2014

Л. Е. Третьей частью «Бесконечной книги» стал «Сибирский тракт и другие крупные реки» [11]. Повесть вошла в шорт-лист Всероссийской премии им. П.П. Бажова в 2018. На обложке указан примерный портрет лирического героя книги: «Осторожный Тарантино + добрый Радищев + трезвый Ерофеев». Вы комментируете: «Я ее давно хотел написать. Сразу про дорогу Сибирский тракт и про Товарищество поэтов “Сибирский тракт”. Думал, стану ехать по дороге, говорить с поэтами, про них же затем рассказывать. Точно юный славист из университета Сорбонны» [11, с. 3]. Что дальше?

А. П. Следующая часть «Сибирского тракта» почти готова. Буду вот летом предлагать в журналы.

Л. Е. Отлично. Это «Бесконечная книга». И, как я понимаю, есть еще другое. «Тяжкие кони Ополя, или “Просёлки” через шестьдесят лет» вышли сначала в журнале «Волга» (№ 5, 2016), потом – книгой [13]. Повесть написана «по следам» Владимира Солоухина. В июне 1956 года он шел пешком, скакал на лошади, ехал на автомобиле, плыл на пароходе и – написал путевой дневник, ставший лирической повестью «Владимирские проселки». В авторском вступлении к книге Вы замечаете: «Я не то чтобы повторил его путь шаг в шаг, но гулял там же. У него получилась хорошая и надолго книга. У меня – тоже книга. А понравится или нет. Так увидим» (цит. по: [10]). Арсений Ли², обсуждая деятельность товарищества «Сибирский тракт» («...с какого-то момента стало не хватать материальных следов. Или средств долгой памяти»), говорил: «Нам кажется, такая вот проза, фиксирующая провинциальное “здесь и сейчас”, есть работа на отдаленное будущее. На восприятие потомков. Это важно» [1]. И для будущего, и для нас, конечно. Правильно ли я понимаю, что эту повесть Вы не соотносите с «Бесконечной книгой»?

А. П. Да, эта книжка не входит в «Бесконечную книгу». Это немножко другая тема, подразумевающая рассказ о регионах. У меня есть еще книга «Те, кто могли быть Москвой», она о совсем маленьких город-

ках (иногда – поселках) Тульской, Калужской, Орловской, Брянской областей. Это Таруса, Мещовск, Мосальск, Карачев, Новосиль, Белёв, Алексин, Воротыньск – всего примерно с десяток городов. Все они, по своей сути, обломки Черниговского княжества, разгромленного монголами в 1239-м году. По своему расположению на торговых путях, по климату, по разным еще параметрам любое из этих поселений могло быть столицей. Но не стало. Вот, написал об их нынешнем состоянии. Оно тоже очень разное.

Л. Е. Книга издана?

А. П. Книжка частично выходила в журнале «Знамя». Вернее, так: по одной главе в год и всего – две главы. А там суть именно в сопоставлении, в рассказе о том, насколько города разные. Теперь уже с момента написания прошло восемь лет, многое сильно изменилось. Хочу этим летом-осенью снова там покататься и частично дописать-переписать книжку. Тогда постараюсь издать.

Л. Е. Итак, если обновлять Википедию, то у Вас есть «Бесконечная книга» – пока с тремя частями: «Десятая часть года», «Темная сторона света», «Сибирский тракт и другие крупные реки»; а также «Тяжкие кони Ополя, или “Просёлки” через шестьдесят лет» и «Те, кто могли быть Москвой».

А. П. Да, примерно так. Но «Бесконечная», конечно, продолжится, у нее суть такая, а «Те, кто могли быть Москвой» сильно изменится, как я уже говорил.

Л. Е. Поясните, пожалуйста, формулировки о Вас в Википедии: «Организатор различных литературных проектов в Перми и других городах России. Участник и один из основателей товарищества поэтов “Сибирский тракт”» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Пермяков,_Андрей).

А. П. С Википедией получилась довольно смешная история. В 2014-м году, сразу после новогодних каникул, заходит в наш рабочий кабинет тогдашний мой начальник. И обращаясь будто ни к кому, говорит: «Среди нас, оказывается, сидит человек из Википедии. И ведь не проставляется и не рассказывает. Как так?»

Я понял, что речь обо мне. Захожу на Википедию, и вижу довольно странную статью о себе. Вот совсем как будто не про меня. Пишу в раздел «Обсуждение»: мол, или поправьте, пожалуйста, или удалите. А мне создатель этой статьи отвечает: «Я вас, Андрей, лично не знаю, но вы везде мелькаете. Поправьте сами, пожалуйста». Ну, я поправил, как умел. Сейчас относительно похоже на правду.

Что касается организации разных мероприятий в Перми, то здесь история такая: я начал писать стихи очень поздно, почти в тридцать пять лет. Вернее, в школе и на первых курсах института сочинял что-то, но потом как-то среды не было или не знаю. Словом, лет пятнадцать не писал ничего. Вернее, статьи и диссертацию писал, а стихов не писал. А в 2005-м завелся доступный Интернет, а в Интернете обнаружился Живой Журнал. Его мне подсказала пермский поэт Оля Ролленгоф. И через какое-то время вдруг выяснилось, что самые интересные онлайн-собеседники именно литераторы. Я и начал снова писать стихи.

Потом, весной 2007-го года, увидел объявление о региональном фестивале поэзии, в рамках которого

² Арсений Ли – поэт, дизайнер, один из основателей российского поэтического товарищества «Сибирский тракт».

был запланирован конкурс. Проводил этот фестиваль дуэт «А-Либитум» в составе Светланы Домрачевой и Рустама Паймурзина. Я поучаствовал, получил диплом. Победила тогда екатеринбурженка Маша Кротова. Ну, вот позже я совместно с «А-Либитумом» провел пару мероприятий, куда удалось пригласить интересных авторов. Я долго не писал стихов, но читать то современных поэтов не переставал. Потом, когда я уже жил в Подмосковье, Виталий Пуханов и премия «Дебют» дали денег, и в Перми состоялся уже всероссийский поэтический фестиваль.

А еще чуть позже в городе Перми началась культурная программа, возглавляемая Маратом Гельманом. Это уже были совсем другие средства, совсем другие амбиции... Затем, как мы знаем, это прекратилось. Но какие-то следы в Перми и Прикамье, конечно, остались.

Товарищество же «Сибирский тракт» было организовано в феврале 2008-го года. Создавали его Арсений Ли, Алла Поспелова, Алексей Евстратов и я. Нас тогда пригласил почитать стихов в Москве поэт и организатор Андрей Коровин. Дальше мы уже сами развивали культурную программу, ездили по разным городам, читали стихи, искали интересных поэтов. В Вологде тоже не раз бывали. Теперь в большей мере Товарищество работает в виде издательства «СТИХИ». А что будет дальше – загадывать не рискну.

Л. Е. Наталия Черных права? – «Провинция – такой же осознанный выбор среды литературного обитания Андрея Пермякова, как и толстые журналы, в которых множество его публикаций. Он тянется к провинции. Ему медом намазаны...» [17]. Мне кажется, Вы и со столицей хорошо взаимодействуете, различные истории прекрасно рассказываете. Они войдут в будущие книги?

А. П. Да, думаю, войдут. Я ж переехал из Подмосковья сугубо по причинам работы: как до того переехал из Перми в это самое Подмосковье. Думал, вот летом буду ходить от дома до работы пешком, а зимой там – пара остановок на маршрутке. По выходным стану гулять по Москве. В те недели, когда не катаюсь по стране, разумеется. Только вышло все не так: предприятие, до того работавшее шестьдесят лет, взяло и закрылось! Нет, я не виноват, но так совпало. Переехал на работу сюда, во Владимирскую область. Вообще – доволен, работа хорошая.

До известной реформы пенсий, думал в 55 вернуться в Москву, купить квартиру и гулять по городу, подсматривая и сочиняя разные истории. У меня ж выработан вредный стаж, положена ранняя пенсия. То есть, была положена. А в 65 гулять по городу в больших количествах, наверное, уже не так весело, как в 55. Но посмотрим!

Л. Е. Вы ощущаете себя «человеком-амфибией»? Наталия Черных: «Андрей Пермяков – один из самых активных в современной литературе авторов. Его медицинская специальность – фармаколог, он кандидат медицинских наук. Удивительно, как этот человек успевает все сразу: перед работой поучаствовать в конгрессе коллег по фармакологии, в отпуск смотаться автостопом на Байкал почитать стихи на фестивале и написать новую повесть или книгу стихов, вычитать в поезде верстку своей критической статьи, а в элект-

ричке обдумать план нового фестиваля “Сибирский тракт”. К этому набору можно добавить хлопоты об издательстве “СТИХИ”, не так давно возникшем, и особенно о поэтической серии “Срез”...» [17].

А. П. Наташе огромное спасибо за такую оценку, но это преувеличение. Времени не хватает всегда, а с годами его делается все меньше и меньше. От этого грустно. Ну, и какие-то внелитературные, околополитические, скорее, дела портят отношения между литераторами. Хорошо есть вот такие «вечные» фестивали, как вологодские («Плюсовая поэзия» и «М-8»), как саратовский «Центр весны», тольяттинский фестиваль поэзии Поволжья. Еще некоторые мероприятия в стране, где можно обсудить дела с коллегами, послушать стихов, открыть для себя новых поэтов...

*Павел Тимофеев и Андрей Пермяков.
«Плюсовая поэзия». 2015*

Л. Е. Да, сил энтузиастам! Мне бы хотелось обратиться к Гоголю – его стремлению написать книгу о географии России для юношества: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни <...>, когда все его способности свежее, чем когда-либо потом, а воображение чутко удерживает навеки все, что ни поражает его» [4, т. XIV, с. 342].

А. П. Такая книга появилась уже при жизни Гоголя. Вернее – почти появилась. Называлась она целиком «Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального Штаба». Ее стали делать по указанию царя Николая I. Много описать успели, сделав неполных восемнадцать томов. Потом все прекратилось из-за Крымской войны и смены царствования. Составляли книгу молодые офицеры, многие из них – известные в будущем ученые. Скажем, Вологодскую губернию описывал штабс-капитан Петр Карлович Услар. Писал так: «Из г. Устюга в г. Лальск дорога пересекает р. Северную Двину несколько ниже начала ее и оттуда идет до Подволочья лесом, растущим на низменной, болотистой почве. Проезд здесь затруднителен по ветхому состоянию, в котором находятся бревенчатая и фашинная мостовые. Далее дорога идет по открытому правому берегу р. Лузы, пролегая по местности от-

крытой, довольно густо населенной и волнообразной. Грунт дороги сухой и проезд удобен во всякое время года... Вообще она содержится в довольно исправном виде и проезд по ней не представляет больших затруднений ни в какое время года». И далее там: «Этот путь известный под названием Старого Сибирского тракта имел некогда большое торговое значение в отношении к целому государству. Тракт тянется совершенно безлюдным краем» [2]. Кто ездил из Великого Устюга в сторону Кирова, – подтвердит: очень мало, что изменилось. И так во многих краях. Направления дорог и рек меняются слабо. Правда, некоторые дороги исчезают. Скажем, в Чердынъ из Вологды, как раньше, напрямую, уже не проехать. Но это совсем другая история.

Описание страны в те годы – сто семьдесят лет назад – получилось очень интересным. Понятно, многое зависело от конкретных людей. Услар, как я уже говорил, стал известным ученым, специалистом по языкам Кавказа и Средней Азии, например. И географом. Кто-то из офицеров, конечно, свои губернии описывал халтурно – из таких ничего не вышло. Но в целом – внятный, грамотный язык, последовательное изложение. Факт, что исследование было запланировано как «военно-статистическое», повлиял не очень: в основном рассказ идет о городах, дорогах и природе.

Так или иначе, но подобного-подробного описания страны в дальнейшем не было. В США было: во времена Великой депрессии по поручению Рузвельта писателям дали прилично денег для рассказа о разных штатах. Вышло отлично. Вот бы и нам... Хотя это мечты, разумеется. Но вот по отдельным регионам есть очень достойная литература!

Л. Е. Вы об этом писали? Исследовали?

А. П. Это описано в довольно разных источниках. Например, вот книга Роберта Римини: «4 января 1935 г. в ежегодном послании конгрессу Франклин Рузвельт отказался от многих идей Первого Нового курса и изложил программу социальных реформ, которую историки называют Вторым Новым курсом. Первой в списке социальных реформ стала программа помощи безработным стоимостью 5 миллиардов долларов по Закону об ассигновании на чрезвычайную помощь, принятому от 8 апреля 1935 г., которым учреждалась Администрация развития общественных работ. Рузвельт предложил Гарри Гопкинсу, главному поборнику государства всеобщего благоденствия, возглавить эту организацию. Создавались рабочие места для представителей свободных профессий, таких как музыканты, актеры, писатели и историки, а также для студентов колледжей, клерков, секретарей и других безработных» [14]. Писателей финансировали именно на уровне штатов. Был своеобразный социальный заказ, спонсируемый государством. Там не только писатели участвовали. Скажем, знаменитые в дальнейшем художники-авангардисты Марк Ротко и Джексон Поллок в рамках Федерального художественного проекта расписывали интерьеры, получая стипендию от правительства.

Л. Е. Прекрасная программа. Вспомнился рассказ А.Х. Гольденберга [5] о Гоголе, конспектировавшем в

1849–1850 книги П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768–1773 гг.» [7]. Конспект занял около полутора сотен страниц в ПСС [4, т. IX, с. 277–414], и мне он показался удивительным. Гоголь полностью сохранил перечень зимующих в Царицыне и перелетных птиц с указанием точного времени их прилета и отлета: утки, жаворонки, куропатки; желтобрюшки, овсянки, ярки, лесные и степные куропатки, белые журавли, гуси; белые и красные чапуры, кваквы, остроносые кулики, степные курицы, малые дудаки, бакланы, красноголовые нырки, поганки; подорожники, пеночки, овсянки, скворцы, красноголовые утки; обоих родов лебеди, особенно крикуны с желтым на носу концом; бакланы и луговки, камышенные воробьи и князьки; белые трясогузки, черные и белые плешанки, коршуны; ласточки, дикие полевые голуби, сивоворонки, шурки, потатуйки; красногорлые гуси, зяблики, серые коноплянки (Там же, с. 410–411). Гольденберг отмечает, что Гоголя явно привлекает «цветовой и языковой колорит орнитонимов птичьего царства» [5, с. 101], меня же поражает сам факт переписывания и скрупулезный подход. Вам он свойственен?

А. П. Дивно! Не знал, разумеется, этой цитаты и таких наблюдений Гоголя. Конечно, птиц раньше было больше, но такая наблюдательность все равно поражает. Я сам уже восьмой год живу в очень маленьком поселке при фармацевтическом предприятии во Владимирской области. Конечно, природный календарь тут работает крайне заметно: вот чибисы прилетели, когда еще снег. Вот дрозды, скворцы – в отличие от Москвы, они у нас улетают пока на зиму. Вот утки – «сорта» три навскидку, но я в них слабо разбираюсь. Затем появляются чайки: значит, чибисы отложили яйца, чайки будут пытаться их сожрать, а чибисы станут тех чаек прогонять. Будто чайкам рыбы мало в пруду? Лягушки с жабами просыпаются: лягушки живут поближе к домам, а жабы – около бассейна и хоккейной коробки. Прилетают ласточки. Сразу же кукушки начинают куковать: они, кстати, первыми и улетают отсюда, в начале июля еще. Соловьи – это как везде. Журавли у нас не останавливаются, они в Талдом летят. Но клиньями проходят на юг и обратно над нами, да. Лебеди иногда на озера приземляются. Ближе к речке Клязьме – цапли.

В поселке Вишневы есть пара журавлей. Некоторое время назад это была самая восточная из известных мне пар журавлей. К западу они обыкновенны: скажем, известная пара давно живет на въездном знаке в город Ржев, но у нас они редкость. Не такая редкость, как черные аисты, обитающие в лесах около Коврова и Вязников, но тоже редкость. Черных аистов никогда не видел, а журавлей из Вишневого ездить проведывать. Они на водонапорной башне обитают.

И, конечно, когда за окном Зодиак проходит в течение года, созвездие за созвездием, прячась затем в лес, это успокаивает. Показывает человеку его собственный не слишком значительный масштаб.

Л. Е. Вы работали над естественностью письменной речи или это изначальная органика?

А. П. О прозе можно говорить бесконечно, но все равно не прийти к однозначным выводам. Это невероятно сложная материя. Очевидный факт: все, что обладает некими формальными признаками, – стихи. Более того, существуют тексты, названные автором стихами, но не обладающие никакими формальными признаками стихотворной речи. При этом тексты – интереснейшие. Их немного, но они, безусловно, есть. То есть, стихи – все, что не проза. Но вот обратное неверно. Обыденная речь, конечно, прозой не является, и господин Журден прозой не говорил.

Проза – это материя почти неуловимая. Гоголь, Лесков и, например, Платонов – предельно разные. Но как-то они строили свои книги, что каждая отдельная фраза совсем не похожа на естественную речь. Ни разговор персонажей, ни авторские вставки. А в целом – впечатление живейшего людского разговора! Потом так еще Довлатов умел. Шукшин, конечно. Венедикт Ерофеев. Хотя у него совсем иной вариант: он от себя говорит разными вычурными и отчужденными голосами, но получается абсолютно живой, интересный человек. Это замечательно. А как так сделать – неизвестно, разумеется. Оттого проза и есть искусство. Наивысшее, возможно.

Дело, наверное, в том, что мы даже в самом активном диалоге переводим свои слова из мыслей, совсем на слова не похожих, в понятную собеседнику речь: напрямую мышление передавать еще не умеем. А вот в прозе, благодаря ее структуре, разнообразным оттенкам и приемам, иногда удается донести смысл, более глубокий, чем возникает в фиксируемой внешней речи.

Л. Е. Расскажите поподробнее. Вы – поэт. Прозаик. Критик. Активный блогер.

А. П. Блогер не очень активный. Фотокарточки выкладываю, если увижу что-то интересное. А вот сетевых дискуссий о литературе не люблю: в журнальных статьях получается лучше формулировать свое мнение. Я тугодум вообще-то, а пишу еще медленнее, чем соображаю.

Проза, стихи, критика – это все методы исследования мира. Не изложение результатов исследования, а сам процесс. Критика – та же литература, только немножко вторичная, написанная не о мире, каков он есть объективно, а о мире, созданном тем или иным литератором. Такие миры бывают не менее интересны, чем сам «большой», единый для всех нас, появившихся тут, на Земле.

Л. Е. Я ценю Ваши критические работы. Мне нравится Ваша деконструкция советского языка, стилевая и жанровая свобода. Ваши критические разборы напоминают и английские (скажем, «Лондонского книжного обозрения») с любовью к рецензии не в чистом виде, а к рецензии как интересному длинному эссе (long essay), и французские – со склонностью к эссе, маргиналиям – жанровой неопределенности.

А. П. Ой, спасибо! Но тут есть один момент. Даже два. Во-первых, я пробовал переводить с английского стихи и прозу. Почти ничего не получается. Я, понятное дело, довольно много читаю литературы (на английском) по основному роду занятий – биотехнология, фармацевтическое производство, получение новых препаратов – и по близким специальностям тоже.

Кроме того, работал, когда нужны были деньги, а труд переводчика-специалиста неплохо оплачивался, переводя разные регистрационные документы и опять-таки статьи с английского. И, видимо, испортился тогда вкус. Восприятие языка. Информацию понимаю хорошо, а эмоциональная составляющая, вопросы стиля, аллюзии – выпадают. Остается только: внятно сказано и по делу или наоборот? Но, может, такое дело со временем пройдет.

Второй момент связан с любовью к перемешиванию стилей и к маргиналиям. Тут согласен. Литературный язык у нас существует в устойчивом виде, без радикальных революций лет двести. То есть попытки революций были, но в целом язык, кодифицированный Пушкинским кругом и прозаиками XIX века, существует до сих пор. И менять его особой нужды нет: как видим, он крайне легко принимает инновации, оставаясь самим собой. А вот жанровая стагнация, конечно, есть. И сейчас (собственно, как и век назад) методом обновления мог бы стать не слом каких-то грамматических или логических конструкций, что чревато атомизацией речи, распадением ее на субкультурные структуры, а вот именно смещение жанров и стилей.

Л. Е. Давайте я немножко напомню, о чем уже рассказывала в «Вопросах литературы» – о «Лондонском книжном обозрении» [6]. Когда нынешний главный редактор Мэри-Кей Уилмерс сменила Карла Миллера в 1992 году, подход изменился. При нем, университетском профессоре, в 1980-е годы любили теоретико-литературные статьи. По мнению Мэри-Кей, существует не так много научных работ и работников, способных привлечь многочисленную аудиторию, а читателей у газеты больше 70 тысяч. Мне представляется, Вы из этой категории интересных для читателей интеллектуалов.

Не скрывала Мэри-Кей Уилмерс и своего личного предубеждения относительно критики поэзии, редко выходящей на уровень увлекательного чтения, если только критик сам не поэт. С Вами российской критике и в этом плане повезло.

В «Лондонском книжном обозрении» любят вспоминать, как в первом выпуске в обзоре Арденовского издания «Сна в летнюю ночь» Уильям Эмпсон увлекся подсчетом скорости, с какой путешествуют феи, чтобы опередить дневной свет. Вы вполне в этой традиции непредсказуемости.

Вы не рецензент, «выезжающий на авторах». Вы знаете слово «riggyback», да?

Мне очень нравится, когда Вы с Вашей медицинской степенью и обширными познаниями в самых разных сферах даете знать гуманитариям об их ошибках и просчетах (употребление термина «ризома», например).

Кроме того, очень правильно, по-моему, что Вы сотрудничаете с разными изданиями, причем вносите естественную разговорность речи в высокопрестижные (Web of Science, Скопус) журналы.

И да, Ваши реплики в сети мне тоже нравятся. Позитивностью. Максимальной концентрацией смыслов при емкости высказывания.

Мне у Вас видится путь от интерактива сети к пространному формату повестей (с той же разговор-

ностью интонации, включенностью в общение) и – к глубине стихотворений.

Постправда

– Напиши, говорит, о том, что тебя действительно бесит.

*А меня ничего не бесит.
Не, ну, когда тебе в душу кто-нибудь лезет,
неприятно, понятное дело, но можно и отойти.
Отойти, не сходя с пути.*

*Еще не люблю касаться рукою брезента
(напильника, жесткого снега, перевысохшей изоленты,
постороннего человека, другого-прочего абразивного).
Это тоже можно перетерпеть, это как доказательство
от противоположного.*

*Не люблю, когда изменяет тело.
Не люблю, конечно, когда умирают дети.
(Мне, видать, за это и прилетело,
но чего не бывает на белом свете?)*

*Еще мне немного претит изображать клоунаду
(Вот тут ничего не напишешь: надо, так надо).*

*А самое страшное – это твой ближний, когда он теряет лицо.
Ты сразу тогда себя чувствуешь конченым быдлом.
Впрочем, лицо потерял, другое лицо нашёл, тут и дело с
концом.
Как говорится, что было, то было.*

*Словом, я отвечаю, что, дескать, про «бесит» – никак.
А она говорит, что я – несообразный дурак.
Ничего, говорит, из меня хорошего не получится.
Обещает, что мучился, мучаюсь, далее буду мучиться.*

*Поорала еще немного, ушла вникуда.
Беда.*

*Из палатки пахнет крыльшками на гриле.
Ну, и ладно. Зато хоть поговорили.*

*Кому бы еще действительно сокровенное рассказал?
Радость, ноябрь, buffet, Вологодский вокзал.*

*(Бесит не соответствовать ожиданиям близких людей.
Но как теперь скажешь ей)?*

Мне бы хотелось еще локальные пространства с Вами обсудить. Мне понравилась статья о локальных текстах Урала [16] Е.К. Созиной³. Оговорив обширность «Большого Урала» и оглянувшись назад («Уральские горы суть знатнейшие во всей империи и по признанию разумеются за те, которые у древних описателей назывались Гипербореи и Рифеи» [16, с. 125]), она характеризует этот регион: «Западный склон Урала, по традиции относимый к Прикамью, а в прошлом именуемый Пермской землей, имеет совсем другую идентичность, нежели, скажем, Южный Урал – Оренбуржье, башкирские степи, граничащие со степями “киргиз-кайсацкими”, или чем восточный склон хребта, плавно переходящий в Сибирь. За Средним и Западным Уралом (Екатеринбург, Пермь и прилегающие земли) закрепилось значение центров “горнозаводской цивилизации”, для юго-восточной части региона с момента ее освоения Россией был более характерен тир полувоенной “казацкой” культуры: колонизация этих земель шла позже, дольше и болезненнее» (Там же). Это ощущается?

А. П. Очень ощущается. Причем Пермь и Екатеринбург тоже предельно разные. Даже и по природе. Тут снова влияет водораздел: Урал делит реки. Весь бассейн Камы, сливающейся с Волгой, это западный склон. А восточный склон – это притоки уже сибирских рек. Есть одно, хотя и очень важное, исключение: река Чусовая. Она непонятным образом течет поперек Уральского хребта. Оттого и удивительная такая.

Сами склоны тоже очень разные. Двигаясь с западной стороны, от Москвы, замечаешь только постепенно нарастающие гряды лесистых холмов. Долгое-долгое Предуралье. Некоторые его обидно называют «Придурье». Несколько гряд повыше других, вот они и есть Урал с этой стороны. А когда едешь с востока, к примеру от Челябинска до Кыштыма, перед тобой встает Уральский хребет, как он есть. Синий такой и в обе стороны бесконечный. Хотя формально Полярный Урал очень высокий, а тут, на юге, где Челябинск, горы низкие. Но вот очень заметные!

Между Кыштымом и Екатеринбургом расположена одна из самых красивых дорог всей России. Она сначала идет вверх, до отворота на Маук, до Каслей. Вдоль дороги – озера, расположенные одно над другим. Удивительно смотрится. Потом дорога выходит на трассу Челябинск – Екатеринбург и следует вдоль хребта. Не поперек, а вдоль гор! Здорово очень.

Что касается скорости освоения – точно сказать тут сложно. Родной Кунгур, первоначально основанный в 1648-м году, башкиры сожгли почти сразу. Второй раз его основали в 1663-м. При Пугачеве, в 1774-м, город осаждали объединенные силы татар, башкир, казаков и русских. Сам Пугачев, кстати, в это время воевал под Оренбургом. Так что географическая разница в уральских краях, по-моему, важнее

³ Созина Елена Константиновна – доктор филологических наук, профессор, зав. сектором истории литературы Института истории и археологии УрО РАН, профессор Уральского федерального университета.

исторической. Регион же очень разнообразен. Кроме собственно гор, есть совершенно иные Республика Коми и бывший Коми-округ со столицей в Кудымкаре. Может быть, в этом округе национальные особенности чувствуются даже острее: «большая» Коми – она довольно индустриальная, геологическая. Сырье добывают. Преобладает население, уже пришлое отовсюду. А окрестности Кудымкара и Гайн своеобразны национально.

На юго-западе от Пермского края – Удмуртия. Это уже финно-угорские республики Поволжья, тоже отдельный мир. Или отдельные миры даже.

Что касается собственно горнозаводских дел, с которых освоение Урала и начиналось, этот момент больше сохранился в Екатеринбурге, конечно. Пермь как-то стала больше промышленным центром: оружейные заводы, добыча соли, уголь, разная техника и, например, кастрюли и газовые плиты из Лысьвы. А в Екатеринбурге Горный университет, мифология Бажова... Однако вообще при словах «уральский текст» теперь, скорее, вспоминается Уральская поэтическая школа, возникшая четверть века назад.

Горнозаводская же цивилизация ассоциируется совсем с другим: с окрестностями именно Горнозаводска.

Л. Е. Созина, говоря о «горнозаводском тексте», вспоминает малоизвестную комическую оперу Г.Р. Державина «Рудокопы» начала XIX века, рассматривает произведения Ф.М. Решетникова и Д.Н. Мамина-Сибиряка с горнорабочими темами, отмечает, что свое классическое воплощение «горнозаводской текст» получил в «Уральских сказах» П.П. Бажова, который «уже вполне осознанно выстраивает особый уральский космос со своей онтологией и праксиологией, своими ценностями, антропологией и демонологией, т.е. придает полноту и целостность “горнозаводскому тексту”, но не завершает его: горнозаводской текст и миф уходят дальше и активизируются вновь ближе к концу XX в.» [16, с. 129].

А. П. Да, я примерно об этом. На моей памяти, то есть в последние лет сорок, подлинный, вошедший в мифы Урал сохранялся именно на севере Пермского края. Это еще одна цивилизация. Была, по крайней мере. Огромный регион: если брать с юга на север, от Чусового до Березников – это примерно 200 км, состоял из очень интересных и довольно обеспеченных городов: сам Горнозаводск, Гремячинск, Губаха, Кизел, Александров, Углеуральский, Коспашские поселки... Свои нравы: скорее, шахтерские, чем рабочие, каковы преобладали, например, в Перми. Идеальное почти снабжение шахтерских краев. При позднем Брежневле туда, к шахтерам, ездили из Кунгура, даже из Чайковского и Осы, то есть с юга Пермского края. Как из Тулы в Москву ездили за продуктами, так у нас в этот угольный регион ездили за импортными одежками и прочим товаром.

Рухнуло там все едва ли не в один день, а шахты залили бетоном. Евросоюз финансировал. Дошло до очень неприятных вещей. Есть такой район в Перми: Юбилейный. Новый когда-то, окраинный. Его строили тоже в конце коммунистических времен, поэтому дома возвели, а с инфраструктурой было грустно. Но жить, в принципе, можно. И вот в 1994–1995 годах в

Перми появилось объявление: «Обменяем вашу квартиру на Юбилейный с большой доплатой». Пьющий человек соглашался на обмен, его неплохо угощали, давали сколько-то денег, он подписывал бумаги и оказывался в совсем другом поселке Юбилейном. Расположенном вот именно там: в шахтерских краях. Только уже в бывших шахтерских. Где теперь ни работы не было, ни денег, откуда уже уехали те, кто смог получить компенсацию при закрытии шахт...

Драма Кизеловского угольного бассейна почти не описана. У больших городов есть свои тексты. У небольшой Чердыни, например, есть свой текст: его во многом создал Алексей Иванов (как бы мы к нему ни относились) в книгах «Сердце Пармы», «Золото бунта» и прочих. Беда совсем северных городов представлена, например, в романе «Россия. Общий вагон» Натальи Ключаревой – тоже пермячки по рождению. А вот о Кизеловских краях пока громко не сказано. Хотя интересные литераторы и драматурги родом оттуда есть.

Л. Е. Созина подчеркивает, что понятие «локальный текст» к Уралу в целом «едва ли применимо, хотя можно говорить о некоей совокупности “сверхтекстов” в пределах “Большого Урала”»: например, пермский текст <...> екатеринбургский/свердловский, Челябинский, оренбургский, невьянский, чердынский и т.д.» [16, с. 125]. Я понимаю, что Вы это хорошо ощущаете, и хотелось бы спросить о вологодском. Нам тоже продуктивно говорить о череповецком, вологодском, скажем, полтининском текстах?

А. П. По-моему, Наталья Мелехина как раз создает очень вологодский текст! Вологодчина огромная же, она не сводится к областному центру. Опять-таки говорю, скажем, в Тарноге и Вытегре разные очень. Но вот Полтинка-Паутинка с ее сельской жизнью отлично вписана в общевологодский канон.

Вот где теперь создается совсем иной какой-то текст, совсем иной фон, так это в Череповце. Пару лет назад вологодское отделение Союза российских писателей проводило конкурс среди молодых литераторов. Назывался он «Словарный запас». В номинации «Проза» ситуация была очень непредсказуемой: поступило несколько работ весьма достойного уровня. Александра Антушевич, Мария Герасимова, Павел Громов – были равно близки к победе. Выиграла тогда Мария Герасимова, почти сразу уехавшая учиться во ВГИК. И вот у нее повесть и рассказы были сугубо на вологодском материале и с узнаваемым «вологодским акцентом». А у Антушевич в книге были столь же узнаваемые череповецкие реалии. Теперь, как мы знаем, у нее тоже вышел отдельный том прозы. Я думаю, резонанс будет, и это начало большого пути! Там хтонические такие сущности в прозе, но при этом хтонь переплетена с реалиями крупного промышленного города.

А Вологда – особая совсем. Вот у Антона Черного, ранее известного как поэт и переводчик, вышли в журнале «Урал» две повести о событиях 1988-го года, место действия которых – Вологда. Вроде, все локально, топографически точно, не очень насыщено каким-то действием, экшеном, но как-то так становятся понятнее, к примеру, происходившие в те годы процессы гибели СССР как огромной сущности. Хотя,

повторю, вся фабула привязана к паре районов Вологды и прямой политики в книгах вроде нет.

Ната Сучкова и Андрей Пермяков. Январь 2020 г.

Л. Е. Мне бы хотелось еще коснуться водной символики северного текста. Мой коллега Юрий Владимирович Розанов выделяет и комментирует «водные» эпизоды в текстах Алексея Ремизова, связанных с северной ссылкой писателя [15]. Свою основную «неомифологическую» книгу писатель назвал «К Моря-Океану» (1911). «Под “Морем-Океаном” фольклор подразумевает и иной мир (“тот свет”), и небо, и некую изначальную водную стихию – “океан-море – всем морям отец”, и водную преграду на границе “сокровенной страны Беловодье”, а также и некоторые реальные водные объекты, чаще всего северные, например Белое море» [15, с. 131].

Розанов напоминает, что А. Ханзен-Лёве, исследователь мифопоэтики русского символизма, выделял две разновидности водной символики: «Стоячая вода отражает некий диаволический (лунный) мир теней и демонов, но обнаруживает и свои глубины, где обитают существа нижнего мира; а текучая вода символизирует реку времени, вечное течение или текучую вечность, с которой мы встречаемся в описаниях космогонии» (цит. по: [15, с. 131]).

В энциклопедической статье «Вологда или Вологода» Юлий Михайлович Шокальский отмечал: «Вся длина реки В. около 130 верст; падение реки небольшое и потому скорость течения невелика, глубина в верховьях малая, но ниже города Вологды достаточная для судоходства, начинающегося от города вниз, хотя тут именно есть обширная мель» [18, с. 59]. Ю.В. Розанов продолжает: «Летом вода в реке обычно “зацветала” – покрывалась плавающими на поверхности зелено-бурыми водорослями, издавала неприятный запах. Историческая песня, основанная на местной легенде, утверждает, что раньше река была быстрая и чистая, но испортилась из-за проклятия Ивана Грозного, на голову которому упала “плинга красная” из свода Успенского собора в Вологде» [15, с. 131].

Расскажите о Вашем восприятии водного.

А. П. Я сперва подумал, что речь будет идти о разном отношении к воде у славян и у финских народов.

Л. Е. Буду благодарна.

А. П. Оно действительно очень разное: у нас вода действительно кажется опасной, коварной. Как видим – границей с миром мертвых. А, например, для уд-

муртов, чья мифология известна русским, наверное, лучше других финских мифологий, Вумурт, водяной, – это такой дух, скорее нейтральный. Но Палэсмурт, чем-то похожий на нашу Бабу-Ягу, – такой же одноногий и половинчатый, частично принадлежащий иному миру – довольно злой. А Нюлэсмурт, аналог лешего, – довольно сильный и грозный. У нас, как помним, скорее, все наоборот: водяной почти всегда крайне неприятный и малоконтактный, зато с Бабой-Ягой и с лешим можно договориться. Коркамурт – практически неотличим от нашего домового. Он тоже с медведем дружит и помогает хозяйину дома, если тот его не обижает. Но отношение к воде и лесу почти диаметрально разное у разных народов, живущих рядом.

Об этом вкратце писал Денис Осокин в своих «Овсянках» и в других книгах. У него, правда, речь о мерянах и горных мари, но Поволжье ж удивительно этнически разнообразный регион. С массой различных обычаев и вер, однако обладающий внутри себя большим внутренним сходством. Все-таки коренное население там финно-угорское по большей части.

Что касается Вологды, она вправду кажется каким-то водным краем. При том, что большие реки расположены по краям региона: Шексна делается крупной в Череповце, уже на границе с Ярославской областью, Северная Двина тоже образуется на выходе из области к северу. Но кажется, что вологжане живут на воде. Может, стихи так влияют: Рубцов много о реках писал – сейчас о них же пишут такие разные авторы, как Мария Маркова и Ната Сучкова, к примеру.

А вода в Вологде многослойная, если говорить метафорически. Есть верхний слой, очень подвижный, а есть слой глубокий, невидимый. И вот этот верхний слой иногда движется какими-то непонятными кругами. К примеру, в феврале, оказавшись в Вологде, пошел я в свой любимый ресторан «Север», существовавший с незапамятных времен и казавшийся вечным. А его нет! Он переехал. Зато на месте «Севера» теперь банкетный зал. А на месте тоже вечной и легендарной Пирожковой – ресторан. Потом оказалось, что «Север» уехал на Галкинскую улицу, где стал называться «Шато ле Гранд», вроде. То есть какие-то смешные круговороты общепита в природе.

Это снаружи так. В глубинных же слоях города, в невидимых, все меняется иначе и много осмысленнее.

Л. Е. Хочется надеяться. Вспомнилось Ваше прекрасное:

адголоВ

*А над речкой Вологдой луковки, луковки
черного, серебряного и некоторых других цветов.
А по речке Вологде плавают непонятные буквы
из подтаявших льдинок и береговых родников.*

...

Можно блиц? Вы супераналитик и суперинтуит? Я не очень представляю фармакологию, но профессионально и по природе своей?

А. П. Я, честно говоря, глуповат, мало знаю и довольно плохо обучаем. На работе это сильно и не очень хорошо сказывается, а в литературе мешает умеренно, глупость особо и незаметна (улыбается).

Л. Е. Вы согласны с Наталией Черных, что Вы – «автор сложных, даже мрачных текстов, излучающих рентгеноподобную рефлексию» [17]?

А. П. Частично да: сложные и даже мрачные тексты у меня есть. Причем сложность не очень заметна сходу, тут Наталии огромное спасибо, что углядела: сложность заключена по преимуществу в неочевидных цитатах, в разговорах с литераторами прежних лет или с современниками.

А мрачность по большей части определена невозможностью объективного познания мира. Но тут амбивалентно: у меня есть очень веселые тексты на тему личной и общей глупости (улыбается).

Л. Е. У Вас такие же ощущения? – «Пермяков пишет о противостоянии жизни и смерти, и ни о чем больше. Иногда жизнь и смерть вместе садятся за стол, и тогда наступают сумерки мироздания, в которых ничего не разобрать, но потом вырисовывается нечто, похожее на замладенческие (или просто райские) видения» [17].

А. П. Даже и не знаю, со стороны, конечно, виднее. Тем более такому интересному критику, как Наталия. Но меня собственная жизнь и собственная смерть, честно говоря, не очень интересуют.

Л. Е. Мне помнится, Вы как-то уже сказали: «...то, что со мной случится, пускай случится в дороге, / а дальше – невидимая дорога и прочая красота». Я, скорее, про «райские или замладенческие видения».

А. П. Это очень сложно сказать. Но многие говорят, что я воспринимаю детство при Брежневе как утерянный рай. Сам я так не считаю, тогда жилось очень даже небогато и невесело. Но, видимо, в стихах что-то такое проскальзывает – будто я идеализирую те времена и воспринимаю их какими-то мифически.

Л. Е. Я, скорее, о том, какие сны снятся, о мироощущении.

А. П. Ну, тоже может быть, да. Во снах все перепутано, но связано с реальным миром, и они потом очень влияют на самоощущение.

Л. Е. Что считать реальным?

Летим

*В детстве моешь ладошки, моешь,
А вода с них стекает белая.
В детстве обиду ноешь и ноешь,
А победа – вот она, целая.
Детские сны хороши, не потому что сны,
А потому что во сне – дотла.
Куклы и зеркала страшны не потому, что они страшны,
А потому что они – куклы и зеркала.
Маленький, говоришь с облаками, они тебе отвечают.
И сами еще говорят с облаками, плывущими в Каме.
Или не отвечают, а просто тебя качают.
Белыми такими руками.*

Как поэт, Вы инобытиен, конечно. И изыскан.

В листопад

*Воздушный всё равно как безвоздушный
Там, за рекой на расстоянии руки.
Преодолимый, матовый, послушный,*

Передающий частые шаги;

*Неслышимые шаги по верху вод
Неуловимые ничем есть свет бесценный.
А взглянешь чуть подробнее и вот –
Пустое множество, пейзаж обыкновенный.*

*Но самый воздух предсказуемо красив.
Да, самый воздух. Атмосфера. Ничего.*

*Ходила Дева по Святой Руси,
Искала Дева Сына своего.*

Литература

1. Власов, Г. Творить нечто из ничего / Герман Власов. – Текст : электронный // Ex Libris НГ. – 24.01.2019. – URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-01-24/10_1007_int.htmlhttp://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-01-24/10_1007_int.html (дата обращения: 29.09.2020).
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи : издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров генерального штаба]. Т. 3. – Санкт-Петербург : Тип. Деп. Ген. Штаба, 1850. <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/39-ch-3-vologodskaya-guberniya-1850-6-382-36-s-tabl-4-1-9-s-tabl#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 29.09.2020). – Текст : электронный.
3. Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре : сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга / ответственный редактор Е. Н. Тропкина. – Волгоград : Перемена, 2019. – 471 с.
4. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 томах / Н. В. Гоголь. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1937–1952.
5. Гольденберг, А. Х. «Царицынский текст» в творческом наследии Гоголя / А. Х. Гольденберг // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре : сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга / ответственный редактор Е. Н. Тропкина. – Волгоград : Перемена, 2019. – С. 94–104.
6. Егорова, Л. В. «Лондонское книжное обозрение» / Л. В. Егорова // Вопросы литературы. – 2017. – № 4. – С. 353–373.
7. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья, половина вторая. 1772 и 1773 годов. Перевел Василий Зуев. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. Наук, 1788.
8. Пермяков, А. Белые тепловозы. Сборник стихотворений / Андрей Пермяков. – Москва : СТИХИ, 2018. – 100 с.
9. Пермяков, А. Десятая часть года. Почти документальная повесть / Андрей Пермяков. – Текст : электронный // Волга. – № 1. – 2010. <https://magazines.gorky.media/volga/2010/1/desyataya-chast-goda.html> (дата обращения: 29.09.2020).
10. Пермяков, А. Петушки – Москва. Поехал и другие главы из книги «Тяжкие кони Ополя, или “Просёлки” через шестьдесят лет» / Андрей Пермяков. – Текст : электронный // Волга. – 2016. – № 5. <https://magazines.gorky.media/volga/2016/5/petushki-moskva-poehal.html> (дата обращения: 29.09.2020).
11. Пермяков, А. Сибирский тракт и другие крупные реки. Бесконечная книга, часть третья, том первый / Андрей Пермяков. – Челябинск : Издательство Марины Волковой, 2017. – 260 с.
12. Пермяков, А. Темная сторона света : повесть / Андрей Пермяков. – Вологда : Серия «Том писателей», 2016. – 134 с.
13. Пермяков, А. Тяжкие кони Ополя, или «Просёлки» через шестьдесят лет : [повесть] / Андрей Пермяков. – Москва : СТИХИ, 2017. – 257 с.

14. Римини Роберт. Краткая история США / Римини Роберт ; перевод с английского О. Алексаняна. – Москва : Колибри : Азбука-Аттикус, 2015. – 530 с.

15. Розанов, Ю. В. Текст Алексея Ремизова: комментарии к «водным» эпизодам / Ю. В. Розанов // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре : сборник научных статей к 70-летию проф. А.Х. Гольденберга / ответственный редактор Е. Н. Тропкина. – Волгоград : Перемена, 2019. – С. 130–136.

16. Созина, Е. К. Локальные тексты Урала / Е. К. Созина // Восток – Запад: пространство локального текста в ли-

тературе и фольклоре : сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга / ответственный редактор Е. Н. Тропкина. – Волгоград : Перемена, 2019. – С. 124–130.

17. Черных, Н. История болезней. Пять современных российских писателей-врачей / Наталия Черных. – Текст : электронный // <https://gorky.media/context/istorii-boleznej/> (дата обращения: 29.09. 2020).

18. Ю. Ш. [Шокальский Ю.М.] Вологда или Вологода // Энциклопедический словарь / издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. Т. 7. – Санкт-Петербург, 1892.

Andrey Permyakov, L.V. Yegorova

DEEP DOWN, EVERYTHING IS FAR MORE MEANINGFUL

Discussion between L. Yegorova, the editor of the journal, and Andrey Permyakov, a critic, poet, prose writer, about local geography, characteristics of local texts, Permyakov's works.

Local text, Andrey Permyakov, Vologda.